UN NAVIGATEUR POLAIRE

ET

LES NIHILISTES

ПОЛЯРНЫЙ ПЛАВАТЕЛЬ

И

НИГИЛИСТЫ

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
Boulevard Helvétique, 20

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

LIBRAIRIE M. ELPIDINE

Boulevard Helvétique, 26; Genève

Н. Г. Чернышевскій. Томъ I. Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Диссертація на степень магистра.
Томъ II. Литер. критика и полемическія красоты.
Томъ III. Примѣчанія и дополн. къ пол. экономіи Милля.
Томъ IV. Очерки изъ политической экономіи по Миллю.
Томъ V. Полный сборникъ статей объ общинномъ владѣніи землею и полемика въ защиту общины.
Что дѣлать? Романъ писанный въ крѣпости.
Судъ надъ Чернышевскимъ и *«Лессингъ»*.
Іюльская монархія во Франціи.
Борьба партій во Франціи. | *Кавеньякъ.*
Антропологическій принципъ въ философіи.
Прологъ пролога. Романъ, 60-хъ годовъ писанъ до ареста.
Научились ли? Обращеніе къ студентамъ, 1862 г.

А. И. Герценъ. Полное собраніе сочиненій и посмертн. записки, 11 томовъ
14 Декабря 1825 г. и императоръ Николай.
Франція и Италія.
Съ того Берега.
Письма изъ Франціи и Италіи.
~~*Полярная звѣзда.* 1855, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 69.~~
Голоса изъ Россіи. Подъ редакціей Герцена. 3 тома.
Старый міръ и Россія. | *Франція* или Англія.
Крещеная собственность.

Бакунинъ. *Манифестъ* коммунистической партіи.
Наука и насущное революціонное дѣло.
Къ офицерамъ русской арміи.
Народная расправа No 1 съ участіемъ Нечаева.
Анархія по Прудону.
Всесвятный революц. союзъ къ русской молодежи.

Колоколъ. Полная коллекція № 1—245. 1857—1868 г.
Впередъ. Соц.-революц. обозрѣніе, № 1—48. 1875—1876 г.
Годовое обозрѣніе. Т. I, II, III, IV, V, 1873—1876.
Община. Соціально-анархическое обозрѣніе, № 1—9.
Работныхъ. Соціально-народное обозрѣніе, № 1—15.
Черный Передѣлъ. Органъ народниковъ. № 1, 2, 4.
Вольное Слово. № 1—62. 1882—1883.
Набатъ. Революц. соц. обозрѣніе, 1878—1879.
Народная Воля. № 1, 6.
Вѣстникъ Народной Воли. № 1, 2, 1883—1884 г.
Календарь Народной Воли съ фотографіями, 1883 г.
На Родинѣ, № 1. Біографія Гриневицкаго. Въ пользу «Краснаго креста».
№ 2 *Воспоминанія* о Соловьевѣ. Корреспонденціи отъ ссыльныхъ.
№ 3 *Біографія* Михайловой. Вѣсти отъ ссыльныхъ изъ Сибири. и др.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Пров 3
Пров 4

ПОЛЯРНЫЙ ПЛАВАТЕЛЬ

и

НИГИЛИСТЫ

Несчастная судьба парохода Жанетта, затертой льдами у сѣверо-восточнаго материка Сибири, гибель отъ голода и холода всего ея экипажа съ капитаномъ Делонгомъ во главѣ и чудотворное спасеніе инженера Мелвилля, извѣстны всякому образованному человѣку. Уцѣлѣвшій Мелвилль готовитъ для печати подробное сочиненіе о приключеніяхъ парохода. Одинъ отрывокъ изъ этого труда явился въ «рабочей газетѣ въ Чикаго» и касается самого интереснаго для насъ эпизода путешествія Мелвилля, а именно знакомства его съ нашими политическими преступниками, сосланными въ Верхоянскъ. Извѣстія о жизни этихъ несчастныхъ, высланныхъ большею частью административно, этихъ безъ вины виноватыхъ, добиваемыхъ правительствомъ на сибирскомъ сѣверѣ, — доходитъ до насъ такъ рѣдко, что мы съ радостью ухватились за скудныя свѣденія, сообщаемыя Мелвиллемъ и дѣлимся ими съ читателями. Безстрастенъ и сухъ разсказъ иностранца, но, и читая его, трудно справиться съ чувствомъ негодованія и обиды при описаніи жизни этой молодежи, осужденной часто за невѣдомыя провинности заживо умирать въ борьбѣ съ суровой природой и дикими ея обитателями. Катковъ намъ повѣтствуетъ о жертвахъ судебныхъ ошибокъ, а сколько намѣренныхъ ошибокъ административнаго произвола, образчикомъ которыхъ можетъ служить докторъ Вѣлый, разсѣяно по пустынямъ Сибири, безъ всякой надежды начать когда нибудь снова свою трудовую и свободную жизнь, прерванную по волѣ какого нибудь дряннаго чиновника? Да если бы и возможенъ былъ возвратъ для этихъ мучениковъ на родину и на волю (что больше, чѣмъ сомнительно), то кто и какъ можетъ вознаградить ихъ за погибшую праздно и вдали отъ образованнаго міра молодость, за перенесенныя физическія страданія,— а прежде и главнѣе всего, — за всѣ жестокія нравственныя муки, за утраченную вѣру въ людей и ихъ справедливость, за униженія и разочарованія, которыя пришлось испытать этимъ неокрѣпшимъ натурамъ въ той обстанов-

кѣ, въ какую ихъ насильно втиснули. Часто никакой судъ ихъ не судилъ, никакихъ обвиненій противъ нихъ предъявлено не было, а ихъ все-таки вырывали изъ семей и закапывали въ льдистой Сибири. И что же мудренаго, что когда наступитъ часъ расплаты съ правительствомъ за всѣ эти злодѣянія, то расплата эта, какъ со стороны самыхъ жертвъ, такъ и со стороны ихъ братьевъ и друзей, будетъ кровава и вполнѣ оправдана. Много молодыхъ жизней похоронено въ Сибири и правительствомъ приняты всѣ мѣры, чтобы даже извѣстія объ этихъ живыхъ мертвецахъ не проникали въ Европу. Спасибо, что печальная судьба загнала далекаго чужеземца на это кладбище и онъ хоть кое-что поразсказалъ намъ о нихъ. Но предоставимъ говорить самому Мелвиллю.

«Лишь только я пріѣхалъ въ Верхоянскъ, исправникъ послалъ за политическимъ ссыльнымъ Леономъ, дабы онъ служилъ между нами переводчикомъ; этотъ самый Леонъ былъ и составителемъ того письма отъ имени исправника, которое я получилъ, живя на Дельтѣ. Служа намъ переводчикомъ, онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ отчасти и свою собственную повѣсть. Мы отлично пообѣдали, исправникъ Кошаровскій угостилъ насъ дикими утками, куликами и другой дичью, которую онъ умѣлъ сохранять по цѣлому году въ своемъ ледникѣ. Леонъ передалъ мнѣ, что онъ въ первый разъ обѣдаетъ за столомъ исправника, хотя послѣдній въ началѣ не разъ его приглашалъ, но Леонъ, будучи озлобленнымъ нигилистомъ, не хотѣлъ вести дружбы съ своими надсмотрщиками. Бесѣда наша затянулась до 4-хъ часовъ утра.

«Леонъ сказалъ, что они рѣшительно ничего не слыхали раньше объ экспедиціи Жанетты, пока мы сами лично не пожаловали въ гости въ ихъ страны полярнаго моря. Не ускользнуло отъ моего вниманія, какъ заблистали его глаза, когда я высказалъ ему возможность даже на такомъ небольшомъ вельботѣ, какъ нашъ, проплыть вдоль всего морскаго побережья Сибири. Кошаровской приэтомъ пожелалъ узнать, какою одеждою и какими съѣстными припасами нужно запастись, чтобы предпринять путешествіе, подобное нашему. Черты Леона снова озарились радостью и надеждою, когда я развернулъ передъ его искрящимися глазами свѣтлую перспективу бѣгства изъ ненавистной тюрьмы.

«Однажды онъ пригласилъ меня при случаѣ посѣтить его товарищей по ссылкѣ. Я спросилъ у Кошаровскаго, не имѣетъ ли онъ чего противъ этаго посѣщенія? и получилъ въ отвѣтъ: «конечно, ничего, такъ какъ не полагаю, чтобы нигилистъ могъ чѣмъ нибудь повредить республиканцу». И я поѣхалъ въ саняхъ исправника къ хижинѣ ссыльныхъ, а къ обѣду вернулся назадъ съ Леономъ.

«Леонъ былъ очень худощавъ, блѣденъ какъ трупъ и имѣлъ тонкія еврейскія черты лица, хотя, по его словамъ, не былъ евреемъ; его черные, длинные волосы падали на плечи. Будучи студентомъ юристомъ, онъ въ одну изъ студенческихъ исторій былъ арестованъ на улицѣ; потомъ былъ судимъ, тремя различными судами, изъ которыхъ каждый не могъ найдти въ его прошломъ ничего предосудительнаго, какъ это ясно значилось и въ бумагахъ, содержавшихъ его приговоръ. На пути въ Сибирь, добродушный казачій офицеръ позволилъ ему пробѣжать его бумаги, изъ которыхъ онъ узналъ, что, не смотря на троекратное оправданіе его судебными учрежде-

ніями, онъ приговоренъ по распоряженію правительства съ слѣдующимъ удивительно логическимъ заключеніемъ: уликъ противъ этого человѣка не открыто, но онъ студентъ правъ, а потому несомнѣнно очень подозрителенъ. И въ силу такого приговора, Леонъ былъ осужденъ на пожизненную ссылку; онъ хранилъ копію съ него и показывалъ ее какъ образецъ своеобразной философіи правительственныхъ лицъ».

Въ хижинѣ Мельвилль нашелъ еще 4-хъ молодыхъ людей, тоже политическихъ ссыльныхъ, старшему изъ нихъ было 27 лѣтъ, а младшему—18 лѣтъ. Всѣ они принадлежали къ учащемуся сословію, говорили порядочно по французски, нѣкоторые—по нѣмецки и немного по англійски; всѣ были ярыми нигилистами, хотя одни изъ нихъ утверждали, что сдѣлались таковыми во время ссылки. У каждаго была своя грустная повѣсть. Попали они сюда съ разныхъ концовъ имперіи, изучили хорошо русскія тюрьмы отъ Архангельска до Крыма и въ заключеніе были сосланы на самую отдаленную границу для вящей сохранности. Они съ живостью расспрашивали Мелвилля о пути вдоль береговъ Сибири и сами имѣли кое-какія географическія карты и планы; по словамъ ихъ, часто мечтали они и бесѣдовали между собою о бѣгствѣ, но проплыть 1000 миль по рѣкѣ и 2000 миль по океану съ имѣвшимися въ ихъ распоряженіи средствами казалось имъ невыполнимою фантазіею.

Мелвилль продолжалъ посѣщать ссыльныхъ. «Вечерами, говоритъ онъ, молодежь прибѣгала къ развлеченіямъ, пѣла, музицировала, играла и курила. Совершенно также жило и нѣсколько женщинъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Всѣ общество пришло въ немалое изумленіе, когда узнало, что я никогда не игралъ въ карты, даже въ моемъ отечествѣ. Бывшій тутъ же Леонъ думалъ даже, что вслѣдствіе этого обо мнѣ составится дурное мнѣніе; всякій можетъ себѣ сказать: странный это человѣкъ, не куритъ и не играетъ въ карты, стало быть, онъ все о чемъ то думаетъ, а такіе люди подозрительны. Да и могъ ли иначе разсуждать несчастный ссыльный, жизнь котораго оттого и была загублена, что онъ чтеніемъ и размышленіемъ усвоилъ себѣ истинны морали и политики и имѣлъ безразсудство говорить о нихъ громче, чѣмъ то полагалось. Они читали Джона Стюарта Милля, Кобдена и Герберта Спенсера и жаждали англійскихъ книгъ, но въ ихъ хижинѣ, кромѣ лексикона, другихъ англійскихъ книгъ не было и они просили дать имъ хоть библію изъ библіотеки Жанетты, но я и въ томъ вынужденъ былъ имъ отказать, такъ какъ на мнѣ лежала обязанность доставить въ сохранности всѣ останки нашей экспедиціи. Хижина, въ которой помѣщались ссыльные, была ужасна и устроена по образцу якутскихъ юртъ. Она представляла неоконопаченный срубъ, вымазанный глиною, и имѣла внутреннее и наружное помѣщеніе, въ послѣднемъ находилась кухня съ небольшимъ очагомъ. Во внутреннемъ помѣщеніи, гдѣ они собственно жили, были ихъ книги, постели и одежда; на стѣнахъ приклеены картинки изъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій, но потолокъ былъ такъ низокъ, что въ комнатѣ постоянно царилъ полу-мракъ и даже въ ясный полдень надо было сидѣть со свѣчами. Правительство выдаетъ каждому ссыльному 6 руб. въ мѣсяцъ и на эти деньги онъ долженъ одѣться, прокормиться и устроить себѣ жилище съ отопленіемъ. Конечно и на эти деньги можно жить только въ крайней нищетѣ, ибо хотя дичь, мясо коровье и лошадиное и топливо—здѣсь относительно дешевы, но всѣ другія

жизненныя потребности необычайно дороги; такъ фунтъ сахара стоитъ рубль. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ имѣютъ зажиточныхъ родственниковъ, которые имъ высылаютъ деньги, но больше 300 руб. за одинъ разъ выслано быть не можетъ, а почтовыя сообщенія до того неудовлетворительны здѣсь, что почта приходитъ только два раза въ годъ. Ссыльный не можетъ ни отправить, ни получить письма, не отдавъ его прежде на просмотръ своему надсмотрщику.

«Мой пріѣздъ, говоритъ далѣе Мелвиллъ, преисполнилъ ихъ самыми несбыточными надеждами, ибо пересѣчь льды Арктическаго океана до этого времени они считали невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что между ними не было моряковъ, и ни одинъ изъ нихъ, я полагаю, никогда не видалъ бушующаго моря. Передъ нашимъ разставаньемъ, они мнѣ довѣрились, что хотятъ сдѣлать попытку къ бѣгству, и я самымъ искреннимъ образомъ пожелалъ, чтобы имъ это удалось, ибо видѣлъ въ нихъ молодежь, развитую и образованную, которая безжалостно обречена на гибель въ полярной пустынѣ, безъ книгъ и подходящаго общества, среди грязныхъ Якутовъ, которымъ ввѣренъ до нѣкоторой степени надзоръ за ними, ибо въ случаѣ бѣгства ссыльнаго туземцы привлекаются къ отвѣтственности и подвергаются или тюремному заключенію, или тѣлесному наказанію".

Ссыльные сообщали Мелвиллю, что въ своихъ требованіяхъ и стремленіяхъ они не шли дальше конституціонной формы правленія. Они говорили, «пусть насъ запираютъ въ тюрьмы и вздергиваютъ на висѣлицы, если только это признано будетъ необходимымъ, но только въ силу русской конституціи и русскихъ законовъ, а не загоняютъ въ ссылку, какъ стадо животныхъ, по произволу полицейскаго чиновника всякаго маленькаго городишка".

«Леонъ передалъ своимъ товарищамъ все, что онъ, въ качествѣ переводчика, почерпнулъ изъ моихъ разсказовъ исправнику о плаваніи и приключеніяхъ Жанетты, о нашихъ запасахъ продовольствія, одеждѣ и маршрутѣ. Самый юный изъ ссыльныхъ былъ студентомъ Технологическаго института и въ компаніи ихъ игралъ роль физика. Онъ особенно дружелюбно поглядывалъ на мой секстантъ, ибо при его помощи могъ бы отыскать путь черезъ океанъ, такъ какъ часы и компасы у нихъ были, но не имѣлось инструмента для опредѣленія долготы и широты. Этотъ ревностный юноша тотчасъ же приступилъ къ устройству секстанта, а вскорѣ приготовилъ и мореходныя таблицы; для опредѣленія уклоненій солнца онъ употребилъ русскій календарь. Имъ овладѣла мысль выстроить на рѣкѣ Янѣ около Верхоянска лодку и попытаться проплыть въ ней сначала по рѣкѣ 1000 миль, а потомъ 2000 миль моремъ вдоль Сибирскаго берега къ Восточному мысу или Берингову проливу.

«Не безъ прискорбія узналъ я впослѣдствіи, что они попытались привести въ исполненіе свой смѣлый замыселъ, но не удачно. Они успѣли обмануть своихъ преслѣдователей, совершить съ великими затрудненіями путь по Янѣ и благополучно проплыли мимо большой деревни, расположенной у впаденія ея въ море. Послѣ того, казалось, ихъ отважное предпріятіе должно было увѣнчаться сравнительно легкимъ успѣхомъ, но волны бушующаго моря смутили ихъ, когда стали бить въ ихъ лодку, тяжело нагруженную 13 бѣглецами. Они пристали къ берегу и увидали, что всѣ припасы ихъ подмочены; въ числѣ бѣглецовъ находилась и одна молодая дѣ-

вушка и нѣкоторые изъ нихъ, видя безвыходность положенія, сами явились къ властямъ въ Охотскѣ, остальные вскорѣ были пойманы и подвергнуты заточенію еще худшему чѣмъ то, отъ котораго хотѣли освободиться. Леонъ былъ поселенъ по Колымѣ, другіе тоже размѣщены на новыхъ мѣстахъ среди Якутовъ.

«Еще одинъ ссыльный заинтересовалъ Мелвилля, — это былъ докторъ Бѣлый, жившій отдѣльно отъ прочихъ и исправлявшій въ то время обязанности мѣстнаго фельдшера, когда послѣдній ослѣпъ. Бѣлый обнаружилъ большую внимательность при леченіи Даненгговера и Лиха. Приключенія его жизни еще болѣе драматичны, чѣмъ большинства его товарищей. Онъ практиковалъ, какъ врачъ, въ одномъ малороссійскомъ городкѣ, никогда не былъ замѣшанъ ни въ какихъ политическихъ преступленіяхъ или тайныхъ обществахъ, и полагаетъ, что его единственная провинность состояла въ томъ, что онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ изъ сосѣдней деревни, не подозрѣвая, что у него былъ соперникъ.

«Исторію его ареста и ссылки въ Верхоянскъ разсказалъ мнѣ другъ его и товарищъ по несчастію Леонъ. Помнится, около недѣли лечилъ Бѣлый маленькую дочь полицейскаго начальника въ своемъ городкѣ, и дѣвочка на столько поправилась, что онъ пересталъ ее навѣщать. Къ немалому его удивленію, однажды утромъ къ нему явился казакъ отъ этого начальника съ приглашеніемъ немедленно пожаловать въ полицію, такъ какъ дѣвочка снова больна. Бѣлый, не предполагая у больной что нибудь серьезное, отвѣчалъ, что послѣ завтрака тотчасъ же явится; но казакъ настаивалъ идти скорѣе и тогда Бѣлый просилъ обождать минуту, пока онъ переодѣнется; казакъ былъ даже противъ этого, говоря, что до полицейскаго дома всего два шага, такъ что докторъ дѣйствительно подумалъ, что ребенку плохо и тотчасъ же пошелъ; по дорогѣ казакъ ему сказалъ, что надо прежде имъ зайдти въ полицейское присутствіе и не мало тѣмъ удивленный Бѣлый за нимъ послѣдовалъ, отнюдь не подозрѣвая, что за всѣмъ этимъ скрывается что то не доброе. Начальникъ вышелъ къ нему въ переднюю и объявилъ, что его арестуетъ. «Завтра же, сказалъ этотъ безсердечный негодай, отправляется въ Сибирь партія ссыльныхъ, и вы съ нею». Бѣлый засмѣялся, полагая, что все это шутка, но чиновникъ тотчасъ же убѣдилъ его, что говоритъ серьезно. Несчастный докторъ, совсѣмъ сраженный неожиданностью, пытался тщетно просить объ отсрочкѣ. «За что меня лишаютъ свободы? въ чемъ обвиняютъ?» Отвѣтъ былъ одинъ: «по распоряженію правительства». Онъ попросилъ пустить его по крайней мѣрѣ домой, чтобы захватить платья на дорогу и проститься съ своею молодою женою; но и въ этомъ было ему на отрѣзъ отказано. «Я застоналъ отъ отчаянія, говорилъ несчастный, но меня тотчасъ же заперли въ маленькую каморку, а черезъ 12 часовъ я уже двинулся съ партіею по дорогѣ въ Сибирь.» Понятно, онъ былъ какъ помѣшанный: чѣмъ должна объяснить себѣ жена его исчезновеніе? вѣроятно тѣмъ, что онъ ее бросилъ. Тысячи страховъ и предположеній путались въ его головѣ и что за нечеловѣческія муки переживалъ онъ, когда локомотивъ и пароходъ уносилъ его къ границѣ Сибири. На одной изъ станцій изъ окна закрытаго вагона онъ увидалъ своего стараго пріятеля-купца и успѣлъ подозвать его и на скоро сообщить все съ нимъ происшедшее, умоляя передать разсказъ этотъ его женѣ и роднымъ. Бѣлый былъ задержанъ на нѣкоторое время въ Иркутскѣ. Между

тѣмъ пріятель-купецъ сдержалъ обѣщаніе и передалъ женѣ всѣ обстоятельства ареста мужа —и она тотчасъ же пустилась догонять изгнанника. Она съумѣла, съ свойственною женщинамъ ловкостью, извѣстить мужа о своемъ выѣздѣ и въ душу несчастнаго проникъ радостный лучь надежды. Ежедневно, ежечасно, непрестанно мечталъ онъ о предстоящемъ свиданіи съ женою, ожидалъ ее и какъ разъ въ то время, когда, по его разсчету, она должна была пріѣхать, его выслали изъ Иркутстка, а оттуда въ Верхоянскъ. Бѣдная женщина, тоже полная надежды и любви, была увѣрена, что она застанетъ мужа въ Иркутскѣ и что его поселятъ тамъ; она пріѣхала двумя днями позже его высылки дальше. Не трудно представить себѣ ея отчаянье, когда она, проѣхавъ 4000 миль по суровѣйшей странѣ въ мірѣ, узнала жестокую истину. Свиданье отодвинулось вдругъ на новыя 2000 миль, да и, богъ знаетъ, найдетъ ли она и тамъ своего мужа? Бѣдное сердце не выдержало такого испытанія, несчастная лишилась ума и вскорѣ умерла въ сумашедшемъ домѣ. Мужъ узналъ страшную новость, уничтожившую сразу всѣ его мечты и надежды, и когда я съ нимъ познакомился, онъ только что поправился отъ покушенія на самоубійство. Такова потрясающая повѣсть, которую повѣдалъ мнѣ докторъ при посредствѣ переводчика Леона. Бѣлый не только не былъ нигилистомъ, но даже радикаломъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, а вслѣдствіе этого не находился въ особенно дружескихъ отношеніяхъ съ остальными ссыльными и стоялъ на хорошей ногѣ съ исправникомъ, который дорожилъ имъ въ личныхъ своихъ интересахъ. Онъ не имѣлъ права практиковать за деньги и только исполнялъ обязанности слѣпаго военнаго фельдшера, а послѣдній могъ его вознаградить за это или нѣтъ, смотря по своему благоусмотрѣнію. Никто изъ ссыльныхъ не можетъ самостоятельно заниматься никакимъ дѣломъ, ни давать уроковъ, ни обработывать полей, ни употреблять свое праздное время на занятіе какимъ нибудь знакомымъ ремесломъ, ни брать вообще на себя какой нибудь работы, иначе какъ черезъ посредство своего начальства. Если у меня случалась какая нибудь работа и ссыльный бралъся ее исполнить, то, чтобы принять его услуги, я долженъ былъ прежде запастись разрѣшеніемъ его начальства и плату за трудъ отдавать тому же начальству.

«Невѣжественные Якуты очень боятся всѣхъ политическихъ ссыльныхъ, ибо до нихъ доходятъ преувеличенные слухи о нигилистическихъ насиліяхъ, а полиція ждетъ всегда возмущенія изгнанниковъ. Мнѣ забавно было слушать Кошаровскаго, который увѣрялъ, что онъ живетъ въ постоянномъ страхѣ быть убитымъ, показывалъ при этомъ револьверъ и длинный ножъ, безъ которыхъ не ложится въ постель, хотя вблизи него въ передней всегда спитъ казакъ. Леонъ же говорилъ мнѣ, что онъ и его товарищи извлекаютъ даже нѣкоторую пользу изъ этаго страха, внушаемаго ими исправнику, казакамъ и мѣстнымъ торговцамъ, послѣдніе напр. уступаютъ товаръ нерѣдко дешевле, чтобы только не вызывать непріязни со стороны ссыльныхъ. «А какой намъ толкъ, заключилъ онъ, если бы мы перерѣзали этихъ бѣдныхъ дикарей? свободы этимъ путемъ мы не достигнемъ, если даже вырѣжемъ тысячу человѣкъ».

Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ.